

АЛЕКСАНДР и СЕРГЕЙ
АБРАМОВЫ

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

РАЙ БЕЗ ПАМЯТИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
А16

Серия «Звёзды советской фантастики»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Абрамов, Александр Иванович,
Абрамов, Сергей Александрович

А16 **Всадники ниоткуда. Рай без памяти. Серебряный вариант / Александр Абрамов, Сергей Абрамов. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 701, [1] с. — (Звёзды советской фантастики).**

ISBN 978-5-17-104711-5

«Всадники ниоткуда». Советские полярники, работающие в Антарктиде, сначала натываются на нетипичный ледяной покров, а потом встречаются со своими двойниками, исчезающими через некоторое время. Скоро они обнаруживают упавший американский самолет. Его пилот рассказывает, что подвергся нападению розовых «облаков» — газообразных объектов красноватого оттенка, быстро перемещающихся вне зависимости от ветра. Чтобы противостоять этим пришельцам, или, как их называли, «всадникам ниоткуда», объединяется все человечество.

«Рай без памяти». Герои «Всадников ниоткуда», советский полярник Юрий Анохин и американский летчик Дональд Мартин, оказываются в странном месте, где люди совершенно не обладают опытом современного человечества. Вспомнив о том, как розовые «облака» создавали копии людей и предметов, Анохин и Мартин догадываются, что то, куда они попали, — во все не Земля. Но они находят здесь друзей и помогают им, в том числе, обрести навыки, которые тем не дали их создатели.

«Серебряный вариант». Анохин и Мартин опять оказываются на «клонированной Земле» и встречаются со своими старыми знакомыми из «Рая без памяти», правда, здесь уже прошло лет пятьдесят. Их друзья теперь — пожилые и значительные люди, но им все так же требуется помощь землян.

Трилогия Александра и Сергея Абрамовых — высочайшего уровня фантастика, в которой сочетаются и научная достоверность, и яркость образов, и увлекательность сюжета.

© Александр и Сергей Абрамовы, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Александр Абрамов и Сергей Абрамов

Александр Абрамов и Сергей Абрамов — известный дуэт в советской научной фантастике. Несведущие читатели, по аналогии с Аркадием и Борисом Стругацкими, часто считали их братьями. Но на самом деле они — отец и сын.

Александр Иванович Абрамов родился в 1900 году в Москве. Закончив Институт иностранных языков и Литературный институт им. В. Я. Брюсова, он начал писать еще в 1920-е годы. Его первым опубликованным произведением стала фантастическая повесть «Гибель шахмат», вышедшая в 1926 году.

Александр Абрамов занимался литературной критикой, киносценариями. На рубеже пятидесятих-шестидесятих годов прошлого века вышли его известные повести: «Я ищу Китеж-град», «Прошу встать!», «Когда скорый опаздывает». К фантастике он вернулся лишь в 1966 году, когда в альманахе «Мир приключений» вышла повесть «Хождение за три мира» в соавторстве с сыном.

Сергей Александрович Абрамов родился в 1944 году в Москве. Закончил Московский автодорожный институт, факультет гражданской авиации. Работал журналистом в «Литературной газете», «Правде», журналах «Смена», «Театр». Первые его самостоятельные произведения: роман «Канатоходцы» (1972) и повесть «Волчок для Гулливера» (1973) — были написаны в жанре научной фантастики. Позже он перешел к жанру современной сказки и фэнтези. Самым известным его произведением является повесть «Выше радуги», по которой был снят одноименный фильм.

Но в 1960-е годы Сергей Абрамов еще писал в соавторстве с отцом. После успеха «Хождения за три мира» они выпустили сборник «Тень императора». В основу его рассказов легли гипотезы из области биологии, физики, кибернетики. В 1967 году вышло их первое большое и самое известное произведение — роман «Всадники ниоткуда».

Действие начинается в Антарктиде. Советские полярники сначала натываются на нетипичный ледяной покров, а потом встречаются со своими двойниками, исчезающими через некоторое время. Скоро они обнаруживают упавший американский самолет. Его пилот рассказывает, что подвергся нападению розовых «облаков» — газообразных объектов красноватого оттенка, быстро переменяющихся вне зависимости от ветра. Чтобы противостоять этим пришельцам — или, как их называли, «всадникам ниоткуда», объединяется все человечество.

В 1968 году вышло продолжение — роман «Рай без памяти». Герои предыдущего произведения — советский полярник Юрий Анохин и американский летчик Дональд Мартин, приехавший в СССР навестить друзей, неожиданно оказываются в странном месте, где живут обычные люди, по виду канадцы из XIX столетия, но, кажется, совершенно не обладающие опытом своих соотечественников. Друзья, вспомнив о том, как розовые «облака» создавали копии людей и предметов, догадываются, что то, куда они попали, — вовсе не Земля. Но они находят здесь друзей и помогают им, в том числе обрести навыки, которые тем не дали их создатели.

В 1978 году вышел последний роман этой трилогии — «Серебряный вариант». Анохин и Мартин опять оказываются на «клонированной Земле» и встречаются со своими старыми знакомыми из «Рая без памяти», правда здесь уже прошло лет пятьдесят. Их друзья — теперь пожилые и значительные люди, но им все так же требуется помощь землян.

Трилогия Александра и Сергея Абрамовых — высочайшего уровня фантастика, в которой сочетаются и научная достоверность, и яркость образов, и увлекательность сюжета.

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Розовые «облака»

1

КАТАСТРОФА

Снег был пушистым и добрым, совсем не похожим на жесткий, как наждак, кристаллический фирн полярной пустыни. Антарктическое лето, мягкий, веселый морозец, который даже уши не щиплет, создавали атмосферу почти туристской прогулки. Там, где зимой даже лыжи самолета не могли оторваться от переохлажденных кристалликов снега, наш тридцатипятитонный снегоход шел, как «Волга» по московскому кольцевому шоссе. Ваню вел машину артистически, не притормаживая даже при виде подозрительных ледяных курчавостей.

— Без лихачества, Ваню,— окликнул его Зернов из соседней штурманской рубки.— Могут быть трещины.

— Где, дорогой? — недоверчиво отозвался Ваню, всматриваясь сквозь черные очки в поток ослепительного сияния, струившийся в кабину из ветрового иллюминатора.— Разве это дорога? Это проспект Руставели, а не дорога. Сомневаетесь? В Тбилиси не были? Все ясно. Мне тоже.

Я вылез из радиорубки и подсел на откидной стульчик к Ваню. И почему-то оглянулся на столик в салоне, где подводил какие-то свои метеорологические итоги Толька Дьячук. Не надо было оглядываться.

— Мы присутствуем при рождении нового шофера-любителя,— противно хихикнул он.— Сейчас кинолог будет просить руль у Ваню.

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

— А ты знаешь, что такое кинолог? — огрызнулся я.

— Я только научно объединяю твои специальности кинооператора и киномеханика.

— Идиот. Кинология — это собаководение.

— Тогда я исправляю терминологическую ошибку.

И, поскольку я не ответил, он тотчас же продолжил:

— Тщеславие тебя погубит, Юрочка. Двух профессий ему уже мало.

Каждый из нас в экспедиции совмещал две, а то и три профессии. Гляциолог по основной специальности, Зернов мог заменить геофизика и сейсмолога. Толька объединял обязанности метеоролога, фельдшера и кока. Ваню был автомехаником и водителем специально сконструированного для Заполярья снегохода-гиганта да еще умел починить все — от лопнувшей гусеницы до перегоревшей электроплитки. А на моем попечении, кроме съёмочной и проекционной камер, была еще и радиорубка. Но к Ваню меня тянуло не тщеславное желание увеличить ассортимент специальностей, а влюбленность в его «Харьковчанку».

При первом знакомстве с ней с борта самолета она показалась мне красным драконом из детской сказки, а вблизи, с ее выдающимися вперед в добрый метр шириной лапами-гусеницами и огромными квадратными глазами-иллюминаторами, созданием чужого, инопланетного, мира. Я умел водить легковую машину и тяжелый грузовик и с разрешения Ваню уже опробовал снегоход на ледяном припае у Мирного, а вчера в экспедиции не рискнул: день был хмурый и ветреный. Но сегодняшнее утро так и манило своей хрустальной прозрачностью.

— Уступи-ка руль, Ваню, — сказал я, стиснув зубы и стараясь на этот раз не оглядываться. — На полчаса.

Ваню уже подымался, как его остановил оклик Зернова:

— Никаких экспериментов с управлением. Вы отвечаете за любую неисправность машины, Чохели. А вы, Анохин, наденьте очки.

Я тотчас же повиновался: Зернов как начальник был требователен и непреклонен, да и небезопасно было смотреть без защитных очков на мириады искр, зажженных холодным солнцем на снежной равнине. Только у горизонта она темнела, сливаясь

с размытым ультрамарином неба, а вблизи даже воздух казался сверкающе-белым.

— Взгляните-ка налево, Анохин. Лучше в бортовой иллюминатор,— продолжал Зернов.— Вас ничто не смущает?

Налево метрах в пятидесяти вздымалась совершенно отвесная ледяная стена. Она была выше всех известных мне зданий, даже нью-йоркские небоскребы, пожалуй, не дотянулись бы до ее верхней пушистой каемки. Блестяще-переливчатая, как лента алмазной пыли, она темнела книзу, где слоистый, слежавшийся снег уже смерзался в мутноватый и жесткий фирн. А еще ниже обрывалась высоченная толща льда, будто срезанная гигантским ножом и голубевшая на солнце, как отраженное в зеркале небо. Только ветер внизу намел двухметровым длиннющим сугробом каемку снега, такую же пушистую, как и на самом верху ледяной стены. Стена эта тянулась бесконечно и неотрывно, где-то пропадая в снежной дали. Казалось, могучие великаны из сказки возвели ее здесь для неизвестно что охраняющей и неизвестно кому угрожающей такой же сказочной крепости. Впрочем, лед в Антарктиде никого не удивит ни в каких очертаниях и формах. Так я и ответил Зернову, внутренне недоумевая, что могло заинтересовать здесь гляциолога.

— Ледяное плато, Борис Аркадьевич. Может быть, шельфовый ледник?

— Старожил,— усмехнулся Зернов, намекая на мой уже вторичный визит к Южному полюсу.— Вы знаете, что такое шельф? Не знаете? Шельф — это материковая отмель. Шельфовый ледник спускается в океан. А это не обрыв ледника, и мы не в океане.— Он помолчал и прибавил задумчиво: — Остановите, Ваню. Посмотрим поближе. Интересный феномен. А вы оденьтесь, товарищи. Не вздумайте выбегать в свитерах.

Вблизи стена оказалась еще красивее — неправдоподобный голубой брус, ломоть смерзшегося неба, отрезанный до горизонта. Зернов молчал. То ли величие зрелища подавляло его, то ли его необъяснимость. Он долго вглядывался в снежную кайму на гребне стены, потом почему-то посмотрел под ноги, притоптал снег, разбросал его ногой. Мы наблюдали за ним, ничего не понимая.

— Обратите-ка внимание на снег под ногами,— вдруг сказал он.

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

Мы потоптались на месте, как и он, обнаружив под тоненьким слоем снега твердую толщу льда.

— Каток,— сказал Дьячук.— Идеальная плоскость, не иначе как сам Евклид заливал.

Но Зернов не шутил.

— Мы стоим на льду,— продолжал он задумчиво.— Снега не больше двух сантиметров. А посмотрите, сколько на стене. Метры. Почему? Один и тот же климат, одни и те же ветры, одни и те же условия для аккумуляции снега. Есть какие-нибудь соображения?

Никто не ответил. Зернов просто размышлял вслух.

— Структура льда, видимо, одинакова. Поверхность тоже. Впечатление искусственного среза. А если смести этот сантиметровый слой под ногами, обнаружится такой же искусственный срез. Но ведь это бессмыслица.

— Все бессмыслица в царстве Снежной королевы,— наизада-тельно заметил я.

— Почему королевы, а не короля? — спросил Ваню.

— Объясни ему. Толя,— сказал я,— ты же специалист по картам. Что у нас рядом? Земля Королевы Мэри. А дальше? Земля Королевы Мод. А в другом направлении? Земля Королевы Виктории.

— Просто Виктории,— поправил Толька.

— Она была королевой Англии, эрудит из Института прогнозов. Кстати, из области прогнозов: не на этой ли стене Снежная королева играла с Каем? Не отсюда ли он вырезал свои кубики и складывал из них слово «вечность»?

Дьячук насторожился, предполагая подвох.

— А кто это — Кай?

— О боги,— вздохнул я,— почему Ганс Христиан Андерсен не предсказывал погоды? Знаешь, какая разница между ним и тобой? В цвете крови. У него голубая.

— Голубая, между прочим, у спрутов.

Зернов нас не слушал.

— Мы примерно в том же районе? — вдруг спросил он.

— В каком, Борис Аркадьевич?

— Там, где американцы наблюдали эти облака?

— Много западнее,— уточнил Дьячук.— Я проверял по картам.

— Я сказал: примерно. Облака обычно передвигаются.
— Утки тоже, — хихикнул Толька.
— Не верите, Дьячук?
— Не верю. Даже смешно: не кучевые, не перистые. Кстати, сейчас никаких нет.— Он посмотрел на чистое небо.— Может быть, орографические? Они похожи на оплавленные сверху линзы. А розоватые от солнца. Так нет: густо, жирно-розовые, как малиновый кисель. Много ниже кучевых, не то надутые ветром мешки, не то неуправляемые дирижабли. Глупости!

Речь шла о загадочных розовых облаках, о которых сообщили по радио из Мак-Мердо американские зимовщики. Облака, похожие на розовые дирижабли, прошли над островом Росса, их видели на Земле Адели и в районе шельфового ледника Шеклтона, а какой-то американский летчик столкнулся с ними в трехстах километрах от Мирного. Радист-американец лично от себя добавил принимавшему радиограмму Коле Самойлову: «Сам видел, будь они прокляты! Бегут по небу как диснеевские поросята».

В кают-компании Мирного розовые облака не имели успеха. Скептические реплики слышались чаще, чем замечания, свидетельствовавшие о серьезной заинтересованности. «Король хохмачей» Жора Брук из «Клуба веселых и находчивых» атаковал флегматичного старожилу-сейсмолога:

- О «летающих блюдах» слышали?
- Ну и что?
- А о банкете в Мак-Мердо?
- Ну и что?
- Провожали в Нью-Йорк корреспондента «Лайф»?
- Ну и что?
- А за ним в редакцию розовые утки вылетели.
- Пошел знаешь куда?

Жора улыбался, подыскивая следующую жертву. Меня он обошел, не считая себя, видимо, достаточно вооруженным для розыгрыша. Я обедал тогда с гляциологом Зерновым, который был старше меня всего на восемь лет, но уже мог писать свою фамилию с приставкой «проф.». Что ни говори, а здорово быть доктором наук в тридцать шесть лет, хотя эти науки мне, гуманитарии по

внутренней склонности, казались не такими уж важными для человеческого прогресса. Как-то я выложил это Зернову.

В ответ он сказал:

— А знаете, сколько на Земле льда и снега? В одной только Антарктике площадь ледяного покрова зимой доходит до двадцати двух миллионов квадратных километров, да в Арктике одиннадцать миллионов, плюс еще Гренландия и побережье Ледовитого океана. Да прибавьте сюда все снежные вершины и ледники, не считая замерзающих зимой рек. Сколько получится? Около трети всей земной суши. Ледяной материк вдвое больше Африки. Не так уж малозначительно для человеческого прогресса.

Я съел все эти льды и снисходительное пожелание хоть чему-нибудь научиться за время пребывания в Антарктике. Но с тех пор Зернов отметил меня своим благосклонным вниманием и в день сообщения о розовых «облаках», встретившись со мной за обедом, сразу предложил:

— Хотите совершить небольшую прогулку в глубь материка? Километров за триста.

— С какой целью?

— Собираемся проверить американский феномен. Мало-правдоподобная штука — все так считают. Но поинтересоваться все-таки надо. Вам особенно. Снимать будете на цветную пленку: облака-то ведь розовые.

— Подумаешь,— сказал я,— самый обыкновенный оптический эффект.

— Не знаю. Категорически отрицать не берусь. В сообщении подчеркивается, что окраска их якобы не зависит от освещения. Конечно, можно предположить примесь аэрозоля земного происхождения или, скажем, метеоритную пыль из космоса. Впрочем, меня лично интересует другое.

— А что?

— Состояние льдов на этом участке.

Тогда я не спросил почему, но вспомнил об этом, когда Зернов раздумывал вслух у загадочной ледяной стены. Он явно связывал оба феномена.

В снегоходе я подсел к рабочему столику Дьячука.

— Странная стена, странный срез,— сказал я.— Пилой, что ли, ее пилили? Только при чем здесь облака?

— Почему ты связываешь? — удивился Толька.

— Не я связываю, Зернов связывает. Почему он, явно думая о леднике, вдруг о них вспомнил?

— Усложняешь ты что-то. Ледник действительно странный, а облака ни при чем. Не ледник же их производит.

— А вдруг?

— Вдруг только лягушки прыгают. Помоги-ка лучше мне завтрак приготовить. Как думаешь, омлет из порошка или консервы?

Я не успел ответить. Нас тряхнуло и опрокинуло на пол. «Неужели летим? С горы или в трещину?» — мелькнула мысль. В ту же секунду страшный лобовой удар отбросил снегоход назад. Меня отшвырнуло к противоположной стенке. Что-то холодное и тяжелое свалилось мне на голову, и я потерял сознание.

2

ДВОЙНИКИ

Я очнулся и не очнулся, потому что лежал без движения, не в силах даже открыть глаза. Очнулось только сознание, а может, подсознание — смутные, неопределенные ощущения возникали во мне, и мысль, такая же неопределенная и смутная, пыталась уточнить их. Я утратил весомость, казалось, плыл или висел даже не в воздухе и не в пустоте, а в каком-то бесцветном, тепловатом коллоиде, густом и неощутимом и в то же время наполнявшем меня всего. Он проникал в поры, в глаза и в рот, наполнял желудок и легкие, промывал кровь, а может быть, сменил ее кругооборот в моем теле. Создавалось странное, но упрямо не оставлявшее меня впечатление, будто кто-то невидимый смотрит внимательно сквозь меня, ощупывая пытливым взглядом каждый сосудик и нервик, заглядывая в каждую клеточку мозга. Я не испытывал ни страха, ни боли, спал и не спал, видел бессвязный и бесформенный сон и в то же время знал, что это не сон.

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

Когда сознание вернулось, кругом было так же светло и тихо. Веки поднялись с трудом, с острой колющей болью в висках. Перед глазами стройно взмывал вверх рыжий, гладкий, точно отполированный, ствол. Эвкалипт или пальма? А может быть, корабельная сосна, вершины которой я не видел: не мог повернуть головы. Рука нащупала что-то твердое и холодное, должно быть камень. Я толкнул его, и он беззвучно откатился в траву. Глаза поискали зелень газона в подмосковном саду, но он почему-то отливал охрой. А сверху из окна или с неба струился такой ослепительно белый свет, что память сейчас же подсказывала и безграничность снежной пустыни, и голубой блеск ледяной стены. Я сразу все вспомнил.

Преодолевая боль, я приподнялся и сел, оглядываясь вокруг и все узнавая. Коричневый газон оказался линолеумом, рыжий ствол — ножкой стола, а камень под рукой — моей съемочной камерой. Она, должно быть, и свалилась мне на голову, когда снегоход рухнул вниз. Тогда где же Дьячук? Я позвал его, он не ответил. Не откликнулись на зов Зернов и Чохели. В тишине, совсем не похожей на тишину комнаты, где вы живете или работаете, — всегда где-то капает вода, поскрипывает пол, тикают часы или жужжит залетевшая с улицы муха, — звучал только мой голос. Я приложил ручные часы к уху: они шли. Было двадцать минут первого.

Кое-как я поднялся и, держась за стену, подошел к штурманской рубке. Она была пуста: со стола исчезли даже перчатки и бинокль, а со спинки стула — зерновская меховая куртка. Не было и журнала, который вел Зернов во время пути, Ваню тоже пропал вместе с перчатками и курткой. Я заглянул в передний иллюминатор — наружное стекло его было раздавлено и вмято внутрь. А за ним белел ровный алмазный снег, как будто и не было никакой катастрофы.

Но память не обманывала, и головная боль тоже. В бортовом зеркале отразилось мое лицо с запекшейся кровью на лбу. Я ощупал рану — костный покров был цел: ребро съемочной камеры только пробило кожу. Значит, все-таки что-то случилось. Может быть, все находилось где-то поблизости на снегу? Я осмотрел в сушилке зажимы для лыж: лыж не было. Не было и дюралюминиевых аварийных санок. Исчезли все куртки и шапки, кроме моих.

Я открыл дверь, спрыгнул на лед — он голубовато блестел из-под сдуваемого ветром рыхлого снега. Зернов был прав, говоря о загадочности такого тонкого снежного покрова в глубине полярного материка.

Я огляделся и сразу все понял: рядом с нашей «Харьковчанкой» стояла ее сестра, такая же рослая, красная и запорошенная снегом. Она, вероятно, догнала нас из Мирного или встретилась по пути, возвращаясь в Мирный. Она же и помогла нам, вызволив из беды. Наш снегоход все-таки провалился в трещину: я видел в десяти метрах отсюда и след провала — темное отверстие колодца в фирновой корочке, затянувшей трещину. Ребята из встречного снегохода, должно быть, видели наше падение — а мы, очевидно, счастливо застряли где-нибудь в устье трещины — и вытащили на свет Божий и нас самих, и наш злосчастный корабль.

— Эй! Кто в снегоходе?! — крикнул я, обходя его с носа.

В четырех ветровых иллюминаторах не показалось ни одно лицо, не отозвался ни один голос. Я вгляделся и обмер: у снегохода-близнеца было так же раздавлено и промято внутрь стекло крайнего ветрового иллюминатора. Я посмотрел на левую гусеницу: у нашего вездехода была примета — один из его гусеничных стальных рубцов-снегозацепов был приварен наново и резко отличался от остальных. Точно такой же рубец был и у этой гусеницы. Передо мной стояли не близнецы из одной заводской серии, а двойники, повторяющие друг друга не только в серийных деталях. И, открывая дверь «Харьковчанки»-двойника, я внутренне содрогнулся, предчувствуя недоброе.

Так и случилось. Тамбур был пуст, я не нашел ни лыж, ни саней, только одиноко висела на крючке моя кожаная, на меху куртка. Именно моя куртка: так же был порван и зашит левый рукав, так же вытерся мех у обшлагов и темнели на плече два жирных пятна — как-то я взялся за него руками, измазанными в машинном масле. Я быстро вошел в кабину и прислонился к стене, чтобы не упасть: мне показалось, что у меня останавливается сердце.

На полу у стола лежал я в том же коричневом свитере и ватных штанах, а лицо мое так же прильнуло к ножке стола, и кровь так же запеклась у меня на лбу, и рука так же цеплялась за съемочную камеру. Мою съемочную камеру.

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

Возможно, это был сон и я еще не проснулся, и видел себя самого на полу, видел как бы вторым зрением? Щипком рванул кожу на руке: больно. Ясно: очнулся и не сплю. Значит, сошел с ума. Но из книг и статей мне было известно, что сумасшедшие никогда не предполагают, что они помешались. Тогда что же это? Галлюцинация? Мираж? Я тронул стену: она была явно не призрачной. Значит, не призраком был и я сам, лежавший без чувств у себя же под ногами. Нелепица, нонсенс. Я вспомнил свои же слова о загадках Снежной королевы. Может быть, все-таки есть Снежная королева, и чудеса есть, и двойники-фантомы, а наука — это вздор и самоутешение?

Что же делать? Бежать сломя голову, запереться у себя в двойнике-снегоходе и чего-то ждать, пока окончательно не сойдешь с ума? Вспомнилось чье-то изречение: если то, что ты видишь, противоречит законам природы, значит, виноват и ошибаешься ты, а не природа. Страх прошел, остались непонимание и злость, и я, даже не пытаясь быть осторожным, пнул ногой лежащего. Он застонал и открыл глаза. Потом приподнялся на локте, совсем как я, и сел, тупо оглядываясь.

— А где же все? — спросил он.

Я не узнал голоса — не мой или мой, только в магнитофонной записи. Но до какой же степени он был мной, этот фантом, если думал о том же, придя в сознание!

— Где же они? — повторил он и крикнул: — Толька! Дьячук! Как и мне, ему никто не ответил.

— А что случилось? — спросил он.

— Не знаю, — сказал я.

— Мне показалось, что снегоход провалился в трещину. Нас тряхнуло, потом ударило, должно быть, о ледяную стенку. Я упал... Потом... Куда же они все девались?

Меня он не узнавал.

— Ваню! — позвал он, подымаясь.

И снова молчание. Все происшедшее четверть часа назад странно повторялось. Он, пошатываясь, дошел до штурманской рубки, потрогал пустое кресло водителя, прошел в сушилку, обнаружил там, как и я, отсутствие лыж и саней, потом вспомнил обо мне и вернулся.